

У ПЕЧКИ

Серёжа очень любил приезжать в гости к бабушке и дедушке. Это, конечно, понятно, ведь бабушек и дедушек любят все внуки, и Серёжа — не исключение. Но было ещё кое-что, отчего ему так нравилось там гостить.

Дело в том, что в доме у Серёжиной бабушки была печка. Не камин, как в некоторых городских квартирах, а самая настоящая печь, которая топилась дровами. Не огромная, русская, с забавным полукруглым зевом, как в сказочной избушке Бабы Яги, а небольшая аккуратная топка, задняя стена которой выходила в соседнюю комнату. И возле этой печки, когда она дотапливалась, было так здорово сидеть по вечерам рядом с бабушкой (а то и дедушка подсаживался!), глядеть в открытую дверцу на догорающие угли, следить за танцующими язычками пламени и слушать бабушкин голос. Обычно бабушка брала вязанье и, усевшись поудобнее на мягкий стул, а ноги поставив на скамеечку, которую специально для этого смастерил дедушка, начинала рассказывать что-нибудь интересное...

Вот и нынче в январе Серёжа гостит у них, потому что папа с мамой укатили в какое-то зимнее путешествие.

...Дедушка принёс из сарая охапку дров и с грохотом опустил заледенелые поленья на железный лист возле печки. От берёзовых плах вкусно пахло улицей, морозом и арбузной свежестью.

— Деда, я тебе помогу! — Серёжа кинулся к деду, начавшему складывать поленья в печь.

Схватил одно и вскрикнул от боли: в ладонь вонзилась большая заноза.

— Ну что же ты так, — покачал головой дедушка, — и поленья надо брать умеючи.

Бабушка, нацепив на нос очки, осторожно вытащила занозу (Серёжа стойко выдержал операцию!) и щедро намазала

ранку зелёной. Тем временем дедушка уложил поленья, поджёг спичкой кусок бересты и сунул её, пылающую, в щель между плахами. Потом они обедали, а печь топилась, и за закрытой дверцей весело трещало и стреляло. А когда огонь слопал уже несколько охапок дров, когда от нагретых боков печи понесло теплом и дедушка уже перестал подкладывать новые полешки, а только ворошил оранжевые головёшки железной кочергой, пришло волшебное время, которое так любил Серёжа. Можно было открывать дверцу и усаживаться напротив.

Он сам притащил бабушкин стул и скамеечку, а для себя — маленькую табуретку (которую тоже сделал дедушка специально для внука). Бабушка взяла вязанье, устроилась на стуле... Замелькали спицы в её пальцах. А Серёжа зачарованно следил, как по горке раскалённых алых углей перебегают волны слабого пламени. Мечущиеся его языки то и дело окрашивались в голубой цвет. Серёжа знал: пока есть такие голубые огоньки — трубу закрывать рано: можно угореть. Зато пока они горят — можно сидеть у открытой дверцы...

— Как твоя ладошка? — спросила бабушка. — Как и умудрился этакую спицу загнать в руку?

— Спицу? — удивился Серёжа и покосился на сверкающие металлические спицы в бабушкиных пальцах. — Спицы ведь вот, у тебя...

— И у меня, — согласилась бабушка. — А ещё вон, в спичечном коробке...

— Так ведь в нём спички!

— Я и говорю — спицы, — улыбнулась бабушка.

И Серёжа понял, что сейчас услышит что-то интересное.

— Спица — тонкая длинная деревянная палочка, — начала бабушка, не отрываясь от вязанья. — А спичка — это маленькая спица. Ну, вот смотри: синица — большая, синичка — маленькая, так и спица со спичкой. А что моих спиц касается...

Тут бабушка лукаво взглянула на Серёжу и снова склонилась над вязаньем, продолжая говорить:

— Однажды спичка стала спицу дразнить: мол, длинная ты, худая да ещё и металлическая! В общем, некрасивая. «А мы с тобой родня!» — говорит ей спица. «Не может быть!» — возразила спичка. «Может, — рассмеялась спица, — к тому же и делом одним занимаемся». «Мы? Одним делом?» — рассердилась та. «Конечно, мы людей согреваем: ты огонь разводишь, а я тёплые вещи вяжу». «Да ты такая острая, такая колючая, уколешь — мало не покажется!» — закричала спичка. «А ты хоть и маленькая, но большую беду наделать можешь», — строго ответила ей спица.

Тут с дивана подал голос дедушка, читавший газету:

— И долго они спорили?

Бабушка рассмеялась, опустила вязанье на колени:

— Ой, долго!

Дедушка шумно свернул газетные листы:

— Ну и зря, в умелых руках никакой предмет, никакая вещь к беде не приведёт, — и многозначительно посмотрел на Серёжу.

Серёжа смутился и спрятал в карман руку с пятном зелёнки на ладони. А огоньки в печке уже закончили свою пляску, угли потемнели, и только в середине их кучки пробивался, мерцая, алый свет.

— Вот и трубу пора закрывать, а то всё тепло уйдёт, — сказала бабушка.

